

2003

ЮРИСТ

619

Май, 2008 год

Зиманов С.З. академик АН РК

Десять образцов судебных решений биев

Личность бия - это главный фигурант в судебных решениях в обществе казахов - кочевников. Ему верили, подчинялись его решениям, даже тогда, когда дело казалось бы, можно было решать по логике несколько в ином варианте. Бия-судью представляли как мудреца и истинноносителя, как знатока законов степи и судебных прецедентов, вошедших в историю и в сознание народа, воспринимали как посредника между тяжущимися сторонами - таково было массовое общественное убеждение. Вот что говорили русские чиновники, служившие в XIX веке в органах колониальной русской администрации в Казахстане, видевшие и знавшие последних представителей исчезавшегося сословия старых биев. «В сознании народном звание бия принадлежит тем немногим, которые отличаясь безукоризненной честностью, с природным умом соединяют глубокие познания в коренных обычаях народа. Би есть живая летопись народа, юрист или законовед его». (Козлов И.). Очень хорошо знавший быт казахов, прекрасно говоривший на казахском языке Леонтьев А. в своей книге, посвященной обычному праву казахов, приводит ряд установок - норм, определяющих суть деятельности биев - судей: «Бидің билігі - жұрттың бірлігі»-«Судебное решение бия служит единению народа»; «Билік айтқан би емес, бітім тапқан би болар» - «творящий только суд не является бием, а бием - судьей является тот, который приводит к примирению и перемирию сторон». «Много лет тому назад, - писал Крафт И., - в Степи славился своей мудростью и справедливостью один би (судья). К нему стекались из далека тяжущиеся и всегда получали суд правый и скорый... Биями считались самые умные и самые справедливые люди, и они не были представителями родовых и партийных интересов, так как их никто не выбирал. Прославится в народе кто-нибудь, как умный и правдивый человек, к нему и идут спорящие за разрешением своих дел. Во всей степи было 3 много 5 биев, и решали они дела по совести и по обычаям народа». Несколько раньше во времени, чиновник Загряжский Г, служивший 5 лет в Туркестанском крае, в состав которого входили все южные, юго-восточные регионы Казахстана, и посвятивший специальный труд «народному суду у кочевого населения, писал: «Киргиз (казах-С.З.), известный по своему уму, безукоризненной нравственности, справедливости, опытности в киргизском судопроизводстве, а следовательно и в знании киргизских обычаев, на основании которых производится суд и расправа у киргизов, именуется бием». Востоковед-ученый Словохотов А, прекрасно владевший казахским языком, служивший

в г. Оренбурге, являвшемся центром управления Западной частью Казахстана, и работавший в Оренбургской ученой архивной комиссии, казахский суд биев называет «Глашатаем правды народной», «естественными посредниками спорящих сторон». Он задался целью выяснить как и каким образом здесь - среди казахского кочевого народа смогли сформироваться и существовать суды биев, которых в таком виде нет у других тюркоязычных народов Центральной Азии. Он писал: «Быт кочевника настолько точно определен, степная жизнь так резко обособлена, стоит в таком противоречий с бытом земледельца, что кочевнику - степняку нечего заимствовать от земледельца - поселянина. То, что составляет культурное богатство последнего, чем он гордится и что создает, не подходит к условиям степной жизни привольного кочевья». Автор считает, что бии-судьи вобрали в себя все качества этого «привольного кочевья». По его мнению, би представляет «живая летопись народа, законовед народного правосознания». Другой именитый востоковед-ученый, профессор Григорьев В.В., служивший в колониальной администрации в Казахстане около десяти лет, в своих исследованиях сделал такой вывод: «Мы видим у киргиз (казахов-С.З.) такое превосходное судопроизводство и такие порядки следственного и судебного процесса, каким могут позавидовать многие издавна цивилизовавшиеся народы».

II

Бий - судьи, включая и тех, кто пользовался известностью за пределами границ родовых земель и даже своего Жуза (Степь была разделена на три Жуза - Младший, Средний и Старший), не имели при себе какого-либо аппарата или людей со специальными знаниями, кроме посыльных. И то не все. Они сами являлись и специалистами, и экспертами и оценщиками в предметной области, касающейся споров по поводу освоения природных угодий, цикла и элементов кочевого хозяйства и быта, образа жизни самих кочевников, то есть они слыли знатоками, вернее, воспитывались и проходили степную школу, чтобы быть таковыми. Познания, опыт и мудрость биев-судей ясно прослеживаются в приведенных ниже типичных образцах их судебных решений. Следует отметить, что особенно три объекта представляли, наиболее распространенные виды спорных дел. Это: конь, женщина, смерть мужчины и аруана-нар (одногогорбый верблюд).

1. **«Бота дауы» - «Тяжба о верблюжонке»**, или о том, как Толе би, ставший впоследствии знаменитым и популярным бием во всем старшем Жузе, когда шел ему двадцатый год (последняя четверть XVII века) решил сложное дело, которое не удалось решить его отцу Алибеку - опытному Бию, учившему сына своего искусству бийского судопроизводства. Суть тяжбы состояла в следующем. Двое из разных кочевых коллективов, пользовавшиеся у себя уважением, спорили и не могли выяснить свои отношения по поводу принадлежности «породистого верблюжонка» -

«аруанадан туған бота». Каждый из них считал его своей и приводил доводы, которые казались убедительными. Со своим спором они решили обратиться опытному бию Алибеку и готовы были выслушать его решение. Тут произошло то, что было характерно для суда биев. Алибек би (отец Толе бия) прежде чем творить суд, т.е. до того как спорящиеся стороны должны были выполнить традиционные ритуалы - принять позу «Жүгініс», бросит свои плети - камши перед бием в знак подчинения его решению. Выслушав заявления сторон, он говорит, встал с места и объявил чтобы истец и ответчик провели 2-3 дня в ауле бия в качестве его гостей и только потом он призовет их к судебному разбирательству. Это означало, что би испытывает определенное затруднение в поисках и установлении истины в конфликтном деле и неуверенность по поводу возможности вынесения убедительного решения, основанного на правде и справедливости. Такое объяснение Алибек бия, откладываящее рассмотрение дела, породило некоторое сомнение у тяжущихся сторон. Толе би, который принимал участие на этом начальном этапе представления сторонами взаимных претензий, угадал трудности, испытываемые отцом - Алибек бием. К тому же недовольство приезжих сторон было воспринято им, полным гордостью, как некоторая потеря для престижа бийского дома отца и его самого. Он принимает решение взять на себя рассмотрение этого дела и с этой целью обращается к отцу, чтобы он соизволил и уступил ему рассмотрение спорного дела. Алибек би, всегда поощрявший сына на самостоятельный выход на судебное поле, соглашается с просьбой и ставит об этом в известность истца и ответчика, просит их согласие на рассмотрение их спорного дела его сыном Толе бием. Они согласились, поскольку были уже наслышаны о нем, как о юной восходящей звезде на поле бийского судопроизводства. Толе би призвал их на суд с соблюдением традиционных правил его начала. На верблюжонка претендовали двое и каждый из них доказывал, что он принадлежит ему с рождения. Острота спора была связана с тем, что верблюжонок был особой ценности, не обычный, редкой породы, рожденной от «аруана» - от красивой, стройной и вожделивой одногорбой породистой верблюдицы, вокруг которой сложились в обществе кочевников немало легенды. Истец свое право обосновал следующим образом: его «аруана», как это бывает часто, перед родом отделилась от стада и ушла в степь, чтобы быть одной. После недельного поиска она была обнаружена в предгорной зоне, бродящей, в тревожном послеродовом состоянии. Она не находила место, уходила куда-то без цели, по ходу издавала скорбные громкие звуки, глаза были полны слез. Если бы она родила детеныша - недоноска или съели его волки, то его мать - верблюдица кружилась бы вокруг того места и не отходила бы от него далеко, временами нюхала бы лежащий труп или каждый раз возвращалась бы к местам с пятнами крови. Этого не случилось, а следовательно, с большой уверенностью истец полагал, что верблюжонка увели люди. И вот теперь, спустя несколько месяцев, он обнаружил верблюжонка в стаде ответчика, опознал его по индивидуальным породистым приметам его матери - верблюдицы, к тому и звук и взгляд его были материнские. Истец

также показал, что его настоятельное обращение ответчику, чтобы он вернул верблюжонка ему - хозяину было отвергнуто им. В свою очередь, ответчик утверждал, что верблюжонок происходит от его «аруана», доказательством может служить то, что он постоянно пасется вместе и рядом с матерью, которая не отвергает его как чужака, наоборот, присматривает за ним. В свое оправдание он привел свидетелей, пастуха, следящих за стадом верблюдов. Ни один из претендентов на спорного верблюжонка не собирался уступить свое право на него.

Толе бию предстояло вынести не просто свой вердикт, а вердикт справедливый, основанный на признанной истине, с которым должны или вынуждены будут согласиться обе стороны. Показания основных участников судебного процесса и их сторонников не давали достаточного ответа для вынесения уверенного решения. Трудность заключалась в том, что ни одна сторона не собиралась уступать другой и в их обоснованиях не было заметной неправды. Животное было ценное, обладать им было заветным желанием каждого. Толе би предлагает сторонам доставить к месту суда верблюжонка и его рожениц - матерей. Интерес к бийскому суду был большой. При стечении большого круга людей из своего и соседних аулов, как это бывает в таких случаях, среди которых были и те, желающие увидеть молодого восходящего бия-судью, а также пришедшие из-за любопытства, Толе би предлагает двоим своим помощникам крепко скрутить конскими волосяными веревками ляжку задней ноги присевшего верблюжонка, так, чтобы он издавал болезненные жалобные крики. В процессе выполнения этой процедуры, у одной из верблюдицы, находившейся при этом, из глаз потекли слезы и она беспокоилась и рвалась к верблюжонку, тогда, как другая вела себя более спокойно и почти равнодушно. Толе би - судья, доверенный и избранный сторонами, тут же объявил свое решение о том, что верблюжонок происходит от «аруана»-верблюдицы, которая по естественному влечению чувств готова была заступиться за свое потомство в мучительные для последнего минуты, а ее владелец - истец является собственником спорного верблюжонка. Все присутствовавшие признали вердикт Толе бия достойнейшим и справедливым решением. И ответчик, исходивший из своего страстного желания не выпускать из своих рук такого верблюжонка, признался в том, что он действительно увел его к себе и «привил» к верблюдице, ранее потерявшей своего верблюжонка. О Толе бие в среде общественности заговорили еще больше.

2. «Сөздің атасы кім? Анасы кім?» - Судебный спор вокруг понятия: «Кто является отцом Слова, кто является матерью Слова?».

По смыслу: «Каковы отцовские (т.е. ведущие, причинные) корни слова? Каковы материнские (т.е. следственные) корни Слова?», Эти и подобные вопросы являлись логическими упражнениями, суждения и разногласия по ним были традиционными в казахском обществе.

Они нередко приводили к серьезным осложнениям. И в этот раз к легендарному Казыбек бию обратились две группы лиц из торгового каравана, останавливавшегося на отдых в районе аула бия. Узнав, что в этом аульном стойбище живет известный во всем регионе Казыбек би, они решили обратиться к нему за разрешением разногласий, разделивших торговцев на две группы и вызвавших определенное обострение их отношений. На стороне одной группы оказались в основном узбеки, а на другой стороне второй группы в основном казахи. Они разошлись в ответах на вопросы «Сөздің атасы кім, анасы кім?» - дословно «каковы отцовские корни Слова и каковы материнские корни Слова?» Узбекская группа настаивала на том, что целью - отцом Слова является ислам, а матерью Слова - вера в ислам. Поэтому они утверждали, что Слово должно служить получению барыша, а следовательно, отцом Слова являются манаты (деньги), а способом их добывания т.е. матерью Слова - это торговля. Казахская группа навязывала другую трактовку. По ее мнению, отцом Слова является би, а матерью Слова является красноречие. Этот спор, по заявлениям сторон, принял опасную форму не только раздора и разрушения единства торгового коллектива, но и близкую к физической схватке между двумя группами. Рассказчики говорят, что Казыбек би серьезно задумался и даже несколько задержался с ответом, потом только произнес свой ответ, равносильный постановлению рекомендательного характера: «Сөздің атасы - бірлік, сөздің анасы шындық» - дословно: - «Отцом слова является единство, а матерью Слова является истина», т.е. по смыслу: Слова преследуют цели достижения единения в социуме, а оно достижимо, если в его основе лежит истина, т.е. правда и справедливость. Спорящиеся стороны остались весьма довольными ответами Казыбек бия. Войдя в дом бия «противниками» они вышли из него «друзьями».

«Бір әйелге екі еркектің таласы» - «Два претендента на одну женщину».

Этот случай описан русским чиновником Крафт И. в конце XIX века по рассказам казахов западной части Степного края. Ему рассказывали, что «Много лет тому назад, к бию-судье явились двое мужчин, и они привели одну женщину». Один из мужчин был грамотным по меркам того времени, а всякий грамотный выдавал себя за муллу, служил при родоправителе письмоводителем и переводчиком во время посещения его ставки посланцами из Бухары и из России. А второй был неграмотным прислугой при правителе. Женщина была одинокой и приятной по наружности, также служила при дворе. Спорящие мужчины и каждый из них, претендовал на нее, а ее мнения не спрашивали. Они обратились к бию за его судом. Как предписывалось правилами бийского судопроизводства, обе стороны выполнили предварительные ритуалы о безоговорочном признании решения, которое вынесет би-судья. Истцы и каждый из них приводили доводы и доказательства о принадлежности женщины только ему. Би выслушав их,

просит оставить женщину при нем на три дня и прийти за его решением по истечении этого срока. После ухода мужчин, би стал следить за женщиной как она убирает комнаты его дома и как готовить пищу и подает на стол. Би заметил, что она умеет убирать письменные приборы, разбирается в нестепной кухне и пытается нравиться более «культурному». Из этого би делает твердый вывод о том, что она имела навыки бывать у грамотного мужчины, освоившего некоторые бытовые привычки другой, не кочевой среды. Вердикт бия с обоснованиями, объявленный после истечения трехдневного срока ожидания, был признан справедливым посредниками обеих сторон».

“Жорға дауы” - “Спор об иноходце”.

Описывают, что Сырым би (Младший жуз XVIII в.) отличался большой наблюдательностью, не раз избирался по выбору сторон «Төбе бием» - «Старшим бием» на сложных судебных процессах. Однажды к нему обратились двое: один из них был одnorodичем и близким родственником самого бия, а другой происходил из дальних родов, имел титул местного бия. Предложение обратиться за разрешением спорного дела именно Сырым бию (впоследствии был руководителем народного восстания) исходил от истца-местного обедневшего бия, хотя знал, что Сырым би приходится родственником к ответчику. Бийский суд был тем и популярен, что бий такого ранга, как Сырым би, остается верным постулату биев: «Тура биде туған жоқ» - «У справедливого бия не бывает родственника». Суть спорного дела: как заявил бий-истец, на скачках по случаю памяти одного известного местного деятеля, его иноходец занял призовое место и был признан знатоками лошадей особо породистым и перспективным. Этот иноходец имел навыки пастись в стороне от табуна и возвращался к ночному стойбищу позже, а иногда оставался на пастбище. Однажды он потерял его след и не вернулся к табуну. Это было два года тому назад. Недавно на скачках на стойбищах племени Алим-улы, будучи в гостях, узнал своего иноходца, участвовавшего на этом празднике по манере бега и выброса задних ног, по внешнему покрову. Новый владелец отказывается вернуть ему его лошадь. Ответчик, он же фактический владелец иноходца, не скрывал правду и объяснил: в дали от аула истца-бия, где вовсе не паслись его табуны обнаружил израненную волками, обессиленную лошадь и, найдя ее стройной по телосложению и зорким взглядам, ухаживал за нею. Она оказалась настоящим иноходцем. Он обосновал свое право на нее древними законами кипчаков-казахов о том, что «Жұртта қалған жұрттікі» - «Оставленные на стоянках принадлежат всем». Иноходец отбился от табуна по своему привычному образу и по вине самого истца, не приучавшего его быть в табуне. По заявлению ответчика, он обнаружил иноходца на чужих пастбищных направлениях, освоенных другими родовыми подразделениями, к которым принадлежал он, а следовательно в данном случае действует и другая норма поведенческих отношений: «Адасқан малдың түбі екі жыл» - по

смыслу: «Для заблудившегося животного срок давности два года». Ответчик в своих показаниях демонстрировал свое познание в казахских законах «Жарғы» и доказывал, что он не обязан вернуть иноходца нерадивому хозяину. Судья - Срым би был более знатоком, глубоким толкователем норм законов - казахского права «Жарғы». Он произнес риторическую речь, которая сводилась к тому, что имеется главенствующая норма, гласящая «Тапқан қуанады, таныған алады» - «Нашедший радуется, познавший получает». Дополнением к ней служит другая обычно-правовая норма: «Тапқан - ие, таныған иесі» - дословно: «Нашедший вещи владелец, а познавший свою вещь - хозяин». Эта норма покрывает все другие частные нормы, но вопросы ответственности сторон при этом решаются отдельно. Срым бий принимает альтернативное решение:

а) иноходец передается от ответчика-бия к его первовладельцу с условием, что последний возмещает ответчику материальные издержки лечения, содержания и подготовки к скачкам спорной лошади в течение двух лет, а за также моральные издержки ответчика, связанные с его расставанием с иноходцем, ставшим за эти годы частью его личной жизни:

б) возмещение было определено в размере 4-х призовых наград на скачках скакунов, проводимых два раза в течение одного года, что было равно к стоимости двадцати голов 3-х летних лошадей. (Каждый приз составлял 5 голов лошади). При этом бий исходил из того, что будь иноходец здоров мог бы выиграть за два года четыре приза;

в) или иноходец остается у ответчика, тогда он уплачивает истцу штраф в размере стоимости двух призов - десять трехлетних лошадей.

Хозяин иноходца, будучи не состоятельным, к тому и полагая, что восстановить силу и скорость иноходца на прежнем уровне потребуют время и затраты, соглашается уступить его местному бию - ответчику на оговоренных бием-судьей условиях, что было засвидетельствовано при публике. Решение судьи присутствующими, массой любопытных и сторонами было воспринято как справедливое и единственно возможное.

Считается судебным прецедентом **«Таңбалы ат туяғынан»** - дословно **«У знаковой лошади и копыта подает знаки»** - по смыслу: **«Нормальная лошадь дает знать о себе своим телодвижением»**.

В народе существуют разные варианты этого судебного решения, приписываемые разным биям, но все они одного содержания. Бию обратились двое и каждый заявлял, что конь принадлежит только ему. Тот и другой никаких свидетельств и доказательств в свою пользу не имели и не предоставляли. По одному варианту, спорившиеся явились молодому восходящему бию из-за зависти с намерением провалить его в глазах общественности. По другому варианту, они были благожелателями, но

хотели испытать бия и закалить его опытами. Би-судья, говорят предчувствовал, что спорящиеся имеют определенные умыслы и хотел продемонстрировать свое знание и умение решать подобных дел. Он проводит три этапа познания лошади. Спорного коня помещает рядом с несколькими лошадьми такой же масти и покрова тела как спорная лошадь, и просит их указать на своего коня. Стороны без ошибочно находят и указывают на спорного коня. Другой раз на всех лошадях накладывает попоны, покрывающие и голову, оставляющие открытыми ног лошадей. Би призывает спорящих мужчин познать своего коня по ногам. И оба претендента безошибочно находят своего коня. Третий раз би-судья предлагает тяжущимся по очереди подойти ближе к лошадям, познав своего на миг подержать его за уздечку. Би, наблюдавший все это публично выносит свое решение с объявлением одного из спорящих сторон истинным владельцем лошади, а другого наказывает штрафом за нечистосердечность и ложное показание. Такому решению би-судья пришел следующим образом. В первых двух случаях он заметил малоуловимую реакцию лошади на одного из мужчин, когда он проходил мимо нее, но по ней нельзя было сделать определенный вывод. В третий раз, когда мужчины вплотную приблизились к познанной лошади и подержали за ее уздечки, на одного из них лошадь реагировала ласковым взглядом и чуть смягчив приподнял копыто одной ноги. Из своего совокупного наблюдения би сделал совершенно правильный вывод.

Это решение безимянного судьи стало судебным прецедентом под названием «Таңбалы ат тұяғынан» - «У знаковой лошади и копыта подает знак».

«Елін тапқан нар дауы» - «Спор об одногорбом породистом верблюде, вернувшемся на Родину».

Эта легенда о решении Айтеке бия была записана в Кызыл-ординской области в 1962 году. По рассказам можно предполагать, что судебное дело возникло в конце XVII или в начале XVIII века - именно к этому времени относится популярность Айтеке бия, решением которого оно завершилось. Некий любитель разводить аруана-одногорбых верблюдов чистой породы, именуемых «нарами», проживавший на долине р.Сыр-Дарьи продал одну верблюдицу-нара в далекую Туркмению. Спустя два года эта верблюдица вернулась к своему хозяину, преодолев значительное расстояние, равное недельному переходу - около пятисот верст с водной преградой. Этот переход происходил с драматическими событиями. Казахские кочевники-скотоводы хорошо знали особые нравы подобных пород верблюдов - наров. Их самки, привыкают к своему родному стойбищу и хозяину настолько, что на чужбине они с трудом адаптируются и нередко возвращаются к своему аулу, как говорят в народе, чтобы только умереть на своей родной земле. Такое случилось и с проданной на чужбину наром-верблюдицей. Новый

хозяин, усмотревший непривычное ее страдальческое поведение, в первый год, ставшей беременной, установил постоянное наблюдение и надзор. Было известно, что верблюдица такой породы никогда не уходит с поле в одиночку в периоды беременности и сильно привязана к верблюжонку. Но однажды ночью, когда несколько подрос и окреп верблюжонок, аруана вместе со своим потомком покинула нового хозяина и пустилась в сторону своего родословного стойбища. По пути их догнал гонец и когда он накинул на голову верблюжонка сеть и последний начал издавать голос помощи, аруана растоптала всадника-гонца, освободив из плена верблюжонка и вместе со своим «бота» - верблюжонком скрылась. Но им надо было по пути переплыть на другую сторону широкой реки. Верблюжонок вступив в воду, пройдя небольшого участка реки, из-за страха не стал следовать за матерью, вернулся обратно на берег. Аруана, вернувшаяся вслед за верблюжонком обратно на берег, чувствовала (по отдаленным звукам) приближение группы гонцов, и когда ее неоднократные попытки заставить верблюжонка переплыть реку не удались, она мощным ударом ноги свалила верблюжонка и растоптала на смерть, чтобы тот не достался гонцам. Затем она переправилась на другой берег и скоро оказалась на родной земле. Этот случай обострил отношения соседей - туркмен и казахов. Туркмены требовали возвращения им Аруана, оплату куна за смерть гонца и ответственности за гибель верблюжонка, поскольку, по их словам эти драматические случаи произошли на территории казахов, да и совершены они верблюдицей-аруана, имевшей намерение возвратиться на свою Родину, а следовательно «ее Родина» также должна нести ответственность. Казахская сторона предъявляла свои претензии и отказывалась выполнить требования туркмен. Спор разрастался настолько, что он мог привести к «малой войне» между туркменскими и казахскими родами. Долгое время решение, удовлетворяющее обе стороны не было найдено. В конце-концов они выбрали главной судьей - «Төбе бием» Айтеке бия, наиболее популярного не только в Юго-Западных регионах Казахстана, но и в других соседних землях.

Айтеке би, желая уgomонить разгоряченную публику, просил ответить представителей сторон, а в начале представляющих их интересов старших биев, а потом владельцев «аруана», собравшихся, на следующие вопросы:

а) “Ұрлық жок, зорлық жок, қорлық жок жерде қандай айып түрлері болады? ” - “Какое может быть наказание там, где нет воровства, засилия и издевательства?”

б) “Еліне қайтқан ерге кім борышты? Жеріне сағынышпен қайтқан нарға кім борышты?” - “Кто считается в долгу перед вернувшимся в свой дом ополченца, оставив чужбину? А если нар, повторил подвиг мужского пола какое наказание следует ему?”;

в) “Нар тәуекел” басында үлгі болып нардан қалды ма, адамнан қалды ма?” - “Распространенное понятие “Рискует как нар” исходит от действия самого нара или от человека?”

г) “Ұрпағын жауға қымай өлімге қиса кім жауапты?” - Какова виновность родителя, предпочитавшего смерть своему потомку, чем страдание в плену на чужбине?”

Айтеке би своим обращением к массе и участникам судебного процесса, собравшего много людей, выслушав их суждения с акцентом одобрения действий нара, не только смог снять напряжение в спорах сторон. Ему удалось осуществить задуманное: он хотел вызвать и возродить чувство сострадания к животному, осмелившемуся вернуться на свою родину, жертвуя своим верблюжонком. Послушав суждения масс, ответы и выступления представителей спорящих сторон Айтеке би объявил свое решение, в основном согласованное «тобе биям» - «старшими биями» сторон:

а) первовладелец аруана оставляет нара у себя с уплатой туркменской стороне ее продажную стоимость:

б) учитывая то, что аруана-нар потерпела страдание из-за потери верблюжонка и на восстановление ее прежней продажной силы потребуется затрата, равная половине своей прежней оценки, каковая вычитывается из общей суммы оплаты туркменам, в) смерть гонца и гибель верблюжонка от породистых предков, происшедшие в Степи - предначертание судьбы. Айтеке би, говорят, заключил свое решение словами: «аруана” заслужила желанной жизни и она своим поведением только сблизила родственные народы». Это решение бия положило конец длительному спору.

7. «Кұланнан туған бесті жүйрік ат дауы» - «Спор о пятилетнем скакуне, рожденным от дикой лошади».

Обстоятельство дела: жеребец преследуя породистую кобылу, которой шел третий год («құнажын байтал»), выгнал ее из табуна лошадей и оставил одну в поле. Скитаясь по степи, она присоединилась к проходящему стаду куланов (диких лошадей) и вынесла жеребенка. Однажды табунщик лошадей, принадлежавших богатому коневладельцу застал в степи кобылу и жеребенка в табуне куланов, бросавшихся в бегство при виде табунщика и табуна его лошадей. Вместе с дикими лошадьми (куланами) ушла и кобылица, оставив детеныша-жеребенка в поле. Жеребенок был убран табунщиком и богатый хозяин традиционным способом «пристроил» его к одной матке-кобыле («биеге теліп жіберу»), которая и приняла как своего родного. В пятилетнем возрасте бывший жеребенок становится неоднократным призером на скачках. Однажды один из посетителей соревнований скакунов обратился к хозяину скакуна со словами: «Мынау менің жылқымнан шыққан ат. Мұның менің жылқым екендігін сүйегінен таныдым. Атты қайдан алдың?» - «Этот

скакун родом от моей лошади. Я его познаю по скелету и другим, присущим только ему индивидуальным приметам. Откуда у тебя эта лошадь?».

Владелец скакуна ответил: «Өз жылқымның баласы. Өз биемнен туған. Ел біледі» - «Он родом из моего табуна - от кобылы, принадлежащей мне. Это могут подтвердить все однородичи». Ни одна из сторон не уступала другой, утверждая, что пятилетний скакун - это ее собственность. Дело разрасталось в большой конфликт. Было сторонами решено обратиться за судом к известному в регионе Актайлак бию (1742-1838гг.), который послушав доводы сторон, не найдя перевеса доказательств ни у одной из них, предложил им «Мамыр айында, қой қоздағанда келіндер» - «Приходите в период окота баранов весной - в мае месяце», тогда и скажу свое решение. Так и было сделано. Сотни ягнят находились в огороженном кругу. Актайлак би, указав на одну овцу среди табуна возвращающихся от пастбища баранов к своим ягням, чтобы кормить их молоком, сказал претенденту на скакуна: «выберите одну овцу из табуна баранов и по ее приметам найдите ее ягненка среди многих, содержащихся в отдельном кругу, и приведите его к своей матери-овце. Тот подробно изучил все индивидуальные приметы овцы, случайно выбранной из стада и не торопясь перебирал один за другим ягнят и выбрав из них одного привел его к овце. Стоило это сделать как овца понюхав ягненка, узнала его и издав звук одобрения, стала кормить. Тут же Актайлак би огласил свое решение в пользу претендента, но сказал: «Бұл ат иесінің енесінен қалған жас құлынды биесіне теліп, өлтірмей мал қылып асырап, қазір міне бәйге ат болды. Мұның еңбегі зор. Сондықтан асыл аттың басын жеті бестіге кесем. Аттың иесі, сен, аттың жарым бағасын төле де атыңды ал, болмаса атты иеленіп жүрген кісіден жарым басын ал да, сонымен бітісіңдер» - «Спорная лошадь, будучи жеребенком, оставшись в свое время в поле в одиночестве, выжила и стала затем призером на скачках из-за заботы его владельца, который несомненно имеет заслугу. Стоимость скакуна оцениваю в пять пятилетних лошадей. А ты, претендент, уплати половину стоимости и забирай скакуна, а если нет, то забирает его владелец, уплатив половину его стоимости». Такое решение Актайлак бия было принято всеми присутствующими справедливым.

8. «Бала дауы» - «Спор о ребенке».

В конфликтных ситуациях, ставших разбирательством в судах биев, порою поиски истины обычными, традиционно-процессуальными приемами могут не дать желаемого результата или могут вовсе оказаться неприменимы. В таких случаях, смотря по обстоятельствам, применялись иногда приемы психологического воздействия на сторон, имеющих притязания.

Историческая память народа сохранила один из таких случаев, связанный с именем легендарного Казыбек бия (1667-1763), судебное искусство которого было известно во всей обширной казахской степи. К нему обратились из дальних аулов две женщины, каждая из которых претендовала на ребенка. Одна говорила: - Я потеряла своего ребенка еще маленьким, а сейчас нашла у

этой женщины, но она его не отдает мне. Другая оспаривала ее притязание и говорила, что сама родила ребенка. Ни одна из сторон не представляла ни свидетелей и сколько - нибудь убедительных доказательств. Казыбек би после некоторого раздумья велел матерям поставить ребенка между собой, взять его за руки и решительным голосом произнес: - Если вы добровольно не хотите сознаться кто из вас настоящая мать ребенка и каждая из вас не представляет свою жизнь без тела и духа ребенка, я разделяю ребенка пополам, чтобы достался каждый из вас вечный образ ребенка, похороненного вблизи вашего жилища. С этими словами Казыбек би вытащил из ножны блестящую стальную саблю и «серьезно» готовился исполнить свое намерение. В тот момент та женщина, которая твердила, что она родила ребенка, проговорила: - пусть хотя бы половина ребенка станет моей. Другая с плачем закричала: - ой-бай, би! не рубите ребенка, я уступаю ей ребенка, где бы не был он лишь был жив. И она прикрыла ребенка своим телом, умоляя бия только не делать этого. Казыбек би отступил перед умоляющей просьбы этой женщины, вернулся к своему месту и объявил свое решение: Родная мать не желает смерти своему дитя. Ребенок бесспорно принадлежит женщине, настаивавшей не «рубить пополам» его. Такова было его мудрое постановление, известие о котором со скоростью ветра облетело всю степь.

9. “Ұрғашы түлкі дауы” - “Спор о лисице - самке”.

К Айтеке бию (1682-1766) явились два пожилых охотника, которые спорили из-за лисицы и каждый претендовал на нее. «Сынок рассуди, - обратились они. Первый сказал: - я стерег ее в районе ее норы с самого начала лета, дожидаясь, пока у лисицы вырастает добротная шерсть. Такое время наступить только через месяц. Он, то есть второй охотник в том же районе, но вдалеке от норы пристрелил ее. В свою очередь второй сказал: - я выследил ее по следам, и добыл бродящую лисицу, значит, лисица принадлежит мне. Тут сделаем небольшое отступление. Айтеке би входил в первую тройку самых известных и мудрейших биев - судей XVII-XVIII веков. О нем, также как о Толе бие и Казыбек бие бытует в народе, а также в записях путешественников, востоковедов и национальной элиты прошлых веков немало ценных сказов и сведений, в том числе принадлежащих ему об оригинальных судебных решениях. И в этом случае проявилась его природная ориентированность. После уточнения всех деталей, осмотрев труп лисицы, огласил свое решение: - Если бы лиса была бы самцом, то он принадлежал бы тому, кто выследил его и добыл, ибо самец любить бродящую жизнь. Но, поскольку лиса-самка, то она принадлежит тому, кто стерег нору, так как она не отходить в даль от норы бережет свою нору, а самец бродит по степи. Не только посторонние, но и сами охотники, сказывают, были, восхищены самой логикой и обоснованием бием своего решения и разошлись, поблагодарив друг друга.

10. «Шідер ат сактайды, ат ер сактайды, ер ел сактайды» - «Тренога бережет коня, конь бережет мужчину, а мужчина бережет свое сообщество».

Толе бию привели вора за кражу треноги (шідер), пойманного при попытке снять ее с ног коня, пасшегося вблизи юрты скотовладельца и просили бия определить ему наказание по законам предков. Чтобы понять смысл бийского решения по этому делу следует сказать следующее. Лошади (кони) в обществе и ханстве казахов относились к категории особо ценимых и охраняемых животных. Кража, угон, захват лошадей, нанесение им телесных повреждений злоумышленниками строго преследовались Степными законами. Они считались наиболее мощным средством при защите от внешних врагов, да и представляли наиболее подвижное удобное средство для верховой езды и передвижения. В законах Есим хана (XVI-XVII вв.), Тауке хана (XVII-XVIII вв.) ответственность за умерщвление коня проходит второй строкой после смерти мужчины. Интересно и то, что казахское право “Жарғы” не связывает размер штрафных санкций со стоимостью лошади, а оставляет его определение на рассмотрение бия, в зависимости от вида и класса лошади. Вернемся теперь к предмету рассмотрению Толе бием указанной жалобы. Треноги, ограничивающие движение лошади у кочевников казахов различались на несколько видов: «тұсау», когда стреножены обе передние ноги; «өре» - две параллельные ноги - одна передняя, другая - задняя ноги; «шал шөре» - две ноги на крест: одна передняя, другая задняя; «шідер» - две передние и одна задняя нога. В данном деле речь идет о попытке похищения «шідер» - треножника. Дело в том, что «шідер» изготавливался из крученого ремня и толстой веревки, скрученной из конских волос, что стоило дорого. «Шідер» применялся как правило, для удержания и охраны наиболее ценимой лошади. Толе би, выслушав показания вора и свидетелей, как описывается в источниках, «он долго сидел как бы задумавшись над решением, казалось бы простого дела». Би объявляет свое решение: виновный в воровстве должен надеть треноги тремя концами на три лошади так, чтобы у каждой стреножено было по одной задней ноге. Затем он должен погнать этих лошадей в разные стороны. Если при этом тренога порвется и освободиться от нее хотя бы одна из лошадей, то вор освобождается от ответственности вообще. Тренога оказалась настолько прочной, что она удерживала всех трех лошадей. Тогда Толе би обращается к тяжущемуся: Вор должен уплатить “служебную” стоимость треноги, исчисляемую из того, что “Шідер ат сактайды, ат ер сактайды, ер ел сактайды” - “Тренога бережет коня? Конь бережет мужчину, а мужчина бережет свое сообщество”. Исходя из этого принципа, а также из опыта демонстрации прочности силы треноги, би сделал вывод о том, что «Бұл шідер - үш ер» - дословно: «Это тренога олицетворяет трех мужчин», а по смыслу: Шідер - тренога по силе равна трем силачам, а следовательно вор уплачивает штраф (аип) - три пятилетние лошади». Решение бия и его логика обоснования меры наказания удивили мирян.